

ИЗ ИСТОРИИ FEDOROVIANA PRAGENSIA

<ОБРАЩЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ К ЛИЦАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ ОБ ОТКРЫТИИ СОБРАНИЯ FEDOROVIANA PRAGENSIA. 20 МАЯ 1933 г.>¹

NÁRODNÍ MUSEUM
V PRAZE

20 kvetna 1933

Милостивые Государи,

Настоящим доводим до Вашего сведения, что с апреля месяца сего года при Чехословацком Национальном Музее основано отделение «Федоровиана Прагенсия», специально посвященное сбору и хранению материалов, относящихся к автору «Философии Общего Дела» — Николаю Федоровичу *Федорову* (1828—1903). Повсеместный и все растущий интерес к этому мыслителю позволяет нам надеяться, что инициатива Национального Музея встретит сочувствие и оправдание как со стороны общественных кругов, так и отдельных лиц, занимающихся вопросами духовной жизни и делания.

Предполагая в Вас, М. М. Г. Г., интерес к своему начинанию, Федоровиана Прагенсия обращается к Вам с просьбой и предложением присылать соответствующие материалы, в порядке обмена. К настоящему времени Федоровиана Прагенсия располагает следующими изданиями (см. список), дубликаты которых может Вам предложить.

Примите уверения в совершенном почтении
Dr. Josef Volf.

Список имеющихся изданий:

1. Н. Ф. Федоров. Философия Общего Дела, том 1, выпуски 1, 2, 3.
2. Смертобожничество, догматические очерки.

3. А. Остромиров — Н. Ф. Федоров и современность, очерки:
Биография Н. Ф. Федорова
Проективизм
Организация мировоздействия
Острые мирового кризиса.
4. А. К. Горностаев — Перед лицом смерти (Толстой и Федоров).
5. А. К. Горностаев — Рай на земле (Достоевский и Федоров).
6. Н. А. Сетницкий — О конечном идеале.
7. Г. Г. Гежелинский — Заметки об искусстве.
8. Фотографии Н. Ф. Федорова.

<СПИСОК ЛИЦ И ОРГАНИЗАЦИЙ, КОТОРЫМ ПЛАНИРОВАЛОСЬ ПОСЛАТЬ И ПОСЫЛАЛОСЬ ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ОТКРЫТИИ СОБРАНИЯ FEDOROVIANA PRAGENSIA>²

Оповещение об открытии Fedoroviana Pragensia посылается от имени Нац<ионального> Музея CSR следующим лицам:

о. С. Булгаков	В. Н. Ильин	С. О. Гессен
Н. А. Сетницкий	М. Н. Стоюнина	«Современные Записки»
Румянцевская библиотека	Н. О. Лосский	Г. Адамович
Ив. Лукаш	пр. Бицилли	Бохан
«Новый Град»	П. С. Боранецкий	Л. П. Карсавин
Н. В. Устрялов	«Утверждения»	В. Э. Сеземан
М. Горький	Эстонская группа	Пр. Ляцкий
В. Н. Тукалевский	Acta Akad<emiae> Velehrad<ensis> ³	П. Н. Малевский-Малевич
С. Н. Николаев	пр. Фатеев	Ф. А. Степун
Н. А. Бердяев	пр. Вилков	Ф. Ф. Кубка
г. Кайзерлинг	пр. Вергун	Д. И. Мейснер («Посл<едние> Новости»)
пр. Здоховский	Л. Пастернак	г. Гоппе
В. Вилинский	«Русский Очаг» ⁴	В. И. Немирович-Данченко
П. Н. Савицкий	Библиотека	пр. Бубнов
	Земгора ⁵	пр. Кулаковский
пр. Чижевский	Р. Якобсон	Газета «Россия и Славянство»

А. Н. ФАТЕЕВ — Й. ВОЛЬФУ⁶

14 июня 1933. Прага

Господину Директору
Национального Музея в Праге
Доктору Вольфу

Милостивый Государь!

Я имел честь получить от Вас письмо о Вашем начинании «Федоровиана Прагенсия». Принося Вам благодарность за оказанное внимание, приветствую это начинание, касающееся русского философа-социолога, главной жизненной целью которого было служение всечеловеческому, а не надчеловеческому идеалу, т. е. исследованию культуры всечеловека, а не культур-юберменша.

Примите уверение в совершенном почтении

А. Фатеев

14/VI 1933

**ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ —
Н. А. СЕТНИЦКОМУ**⁷

Август 1933. Прага

NÁRODNÍ MUSEUM
V PRAZE

Милостивый Государь,
Многоуважаемый Николай Александрович!

Дирекция Чехословацкого Национального Музея имеет честь принести Вам глубокую благодарность за внимание и помощь, проявленные Вами в деле организации Федоровского отделения Музея.

При открытии «Федоровиана Прагенсия» Дирекция Национального Музея руководилась стремлением сохранить память о выдающемся русском культурном работнике Н. Ф. Федорове, который, в качестве поборника идеи Славянского единения, одинаково близок каждому Славянскому народу; а как музейный деятель — особенно дорог нашему учреждению.

Сотрудничество такого выдающегося знатока федоровской Философии Общего Дела, — каким являетесь Вы, имеет для Музея совершенно исключительное значение, и мы выражаем твердую уверенность в том, что Вы не откажетесь содействовать дальнейшему развитию Федоровиана Прагенсия.

Примите уверения в совершенном почтении

Dr. Josef Volf.

ПАМЯТИ Н. Ф. ФЕДОРОВА⁸

Библиотека получила от Народного Музея в Праге предложение принять участие в выставке, устраиваемой Музеем (Fedoroviana Pragensia), посвященной памяти рус<ского> философа Н. Ф. Федорова, в связи с 30-ти-летием со дня его смерти (1903—1933).

Библиотека, идя навстречу этому начинанию, доводит до сведения читателей о выставке, устраиваемой Народным Музеем в помещении Музея, и вполне разделяя мнение русских великих людей (Достоевский, Толстой, Соловьев), что учение Н. Ф. Федорова заслуживает серьезного и вдумчивого изучения, ибо основной его жизненной задачей было разрешение социальной проблемы и утверждение совершенного общественного строя, приводит ниже список литературы, имеющейся в библиотеке, посвященной Н. Ф. Федорову и его философской системе.

I. Труды и письма Н. Ф. Федорова:

1. Философия Общего Дела. Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова. Т. I, вып. I—III.
2. Из переписки Н. Ф. Федорова с В. А. Кожевниковым. О Туркестане. (Версты, 3, [1] 928, с. 278—288).
3. Из посмертных рукописей Н. Ф. Федорова (Путь, 18, [1] 929).
4. Н. Ф. Федоров. Из третьего тома его философии «Общего Дела». (Путь, 10, [1] 928, с. 3—42).

II. Труды других авторов:

5. Н. Бердяев. Три юбилея. (Путь, II, 928, с. 88—94).
6. Вселенское Дело, сб. 2, [1] 934 г. (посвященный пропаганде идей Н. Ф. Федорова).
7. А. К. Горностаев. Перед лицом смерти (Л. Толстой и Н. Ф. Федоров).
8. Его же. Рай на земле (Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров).
9. В. Н. Ильин. О религиозном и философском мировоззрении Н. Федорова.
10. А. Остромиров. Н. Ф. Федоров и современность. Вып. I—IV. Здесь:
 - а) Биография Н. Ф. Федорова.
 - б) Проективизм и борьба со смертью.
 - в) Организация мировоздействия.
 - г) Острые мирового кризиса.
11. Н. А. Сетницкий. О конечном идеале.
12. Его же. Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова (Версты, 3, [1] 928, с. 261—277).
13. Его же. СССР, Китай и Япония (Начальные пути регуляции).

К. А. ЧХЕИДЗЕ — ОСТРЧИЛУ⁹

19 апреля 1934. Прага

Господину доктору Острчилу;
библиотека господина Президента Ч. С. Р.
19 апреля 1934

Глубокоуважаемый господин доктор,
позвольте просить Вас принять прилагаемый сборник «Вселенское Дело», № 2, 1934, как дар авторов этого сборника — библиотеке господина Президента Ч. С. Р.

В предположении, что это издание вызовет Ваш, г. доктор, интерес — привожу некоторые занимательные сведения о нем.

В 1913—1914 гг. в России вышел сборник «Вселенское Дело» № 1-ый, посвященный разработке проблем, поставленных Николаем Федоровичем Федоровым в его «Философии Общего Дела». В этом сборнике приняли участие профессор Бахметьев, известный поэт и деятель Валерий Брюсов, далее — писатели и публицисты: Любовь Столица, А. Горностаев, Иона Брихничев (который был секретарем комитета Помощи Голодающим в 1921—22 г. в РСФСР) и много других. В течение двадцати лет последователи «Философии Общего Дела», находящиеся внутри Советской России и вне ее, пытались возобновить совместные усилия — и лишь в настоящий момент это им удалось сделать.

В сборнике «Вселенское Дело» № 2 приводятся материалы, относящиеся к Н. Ф. Федорову, Л. Н. Толстому, В. С. Соловьеву, Ф. М. Достоевскому, Н. П. Петерсону, В. А. Кожевникову, рядом с их собственными писаниями.

Достоин интереса также и то обстоятельство, что впервые в истории русской революции граждане Советского Союза сотрудничают в одном и том же издании с эмигрантами. В списке авторов встречается имя профессора Н. В. Устрялова, идейного вождя «сменовеховцев» и значительной части современной советской интеллигенции. Далее: — А. К. Горностаев находится в настоящий момент в концентрационном лагере в СССР; В. Муравьев — недавно скончался, находясь в ссылке, в Нарыме. Павел Лучицкий, Г. Г. Гежелинский и Д. С. Кононов — гражданства СССР. Другие авторы, напр., В. Александров^{9а}, С. Чуев, А. Несмелов — эмигранты; Я. Калоускова — иностранка.

Чешский читатель этого сборника, наверное, заметит очерк, посвященный федоровскому отделению Национального Музея в Праге. В течение последнего года федоровское отделение Музея деятельно собирало материалы и в настоящий момент готовится к устройству выставки.

Прошу Вас, глубокоуважаемый господин доктор, принять мои уверения в преданности и готовности к услугам.

ФЕДОРОВИАНА ПРАГЕНЗИА («Venkov». 24 мая 1934)¹⁰

...Литературный Архив Национального Музея устраивает выставку Федоровиана Прагензиа. Выставка эта посвящена русскому мыслителю Ник. Фед. Федорову, известному противнику Л. Толстого и его учения о непротивлении злу. Через тридцать лет после смерти Ф<едоро>ва (1903) и накануне 25-тия смерти Т<олсто>го (1910) мир приходит к признанию русского мыслителя-философа, учение которого не было в ореоле славы, и тем не менее имело значительное влияние на учение Тол<сто>го и взгляды Ф. М. Дост<оевско>го. Помимо Москвы, где имеется значительный круг последователей Ф<едоро>ва, только в Харбине и в Праге сосредоточены литературные памятники о Ф<едоро>ве. В Праге, благодаря деятельности управляющего Литер<атурным> Архивом др. М. Новотного и русского писателя К. А. Ч<хеид>зе, было собрано огромное количество всевозможных материалов о Ф<едоро>ве; благодаря дружеской поддержке г. директора Музея, др. И. Вольфа, в настоящий момент открывается выставка. Нужно сказать, что в этом отношении Прага идет сейчас на первом месте, так как после Москвы имеет особенно выдающиеся материалы к изучению федоровского учения, основатель которого, помимо всего прочего, был апостолом Славянства; его учение привлекает к себе внимание целого света. На этой выставке представлены издания со всех концов мира, там (в копии) имеются автографы Ф<едоро>ва, его фотографии, снятые после его кончины (при жизни Ф<едоро>в не желал быть нарисованным или снятым). Центр федоровского движения Харбин — обширно представлен в брошюрах Горностаева (напр<имер>, о влиянии Ф<едоро>ва на Дост<оевско>го), есть тут, наконец, и японские издания, оригинальные японские рукописи, корректуры, рецензии японских и китайских газет¹¹. Привлекают внимание заголовки газетных статей; появившихся на русском Д<альнем> Востоке: «мудрейших из мудрых», «о разоружении»¹², вернее — перевооружении, так как Ф<едоро>в писал, что армии, вместо убийства людей, должны быть подготовлены к бою с природой — против засухи, дождей и пр. Имеется еще единственная в своем роде коллекция рукописных материалов, там встречаются, напр<имер>, темы о религиозном оправдании революции. Сверх иностранных изданий имеются и чехословацкие, напр., статья доц. Чижевского (Либерец), «Слявише Рундшау», «Розгледы», «Акце» (работы К. А. Ч<хеид>дзе, В. Ильина, проф. Иво Бауше, переводы Софии Погорецкой)¹³. Далее — расположены издания из Парижа, Брюсселя, Таллина, Варшавы, Нью-Йорка, Москвы, Лондона, Белграда¹⁴. В этом отношении выставка чрезвычайно интересна и заслуживает полного внимания.

<СООБЩЕНИЕ О ВЫСТАВКЕ ПАМЯТИ Н. Ф. ФЕДОРОВА>¹⁵
 («Národní Politika». 24 мая 1934)

Национальный Музей в Праге подготавливает выставку в память русского философа Н. Ф. Федорова, которая будет открыта в субботу 26—V. Это начинание является актом преклонения перед Н. Ф. Федоровым некоторых русских писателей, живущих в Праге, и наших музейных работников с директором г. доктором И. Вольфом во главе. Ф<едоро>в, современник Толстого и Соловьева, имел большое влияние на обоих поименованных писателей. Дост<оевски>й считал идеи Федорова *своими*, Соло<вье>в называл его учителем и утешителем, а Т<олст>ой говорил, что Ф<едор>ов — святой и что он гордится тем, что живет одновременно с Ф<едоровым>. Н. Ф. Ф<едоро>ва называют иногда «оправданием 1000-летней истории России»¹⁶, м<ожет> б<ыть>, именно потому, что в свое время «просмотрели». Ф<едор>ов учит, каким образом избежать войн между народами, как сделать, чтобы «вся сила человечества, техника, наука соединились в великом наступлении против катастроф, несчастий, болезней и смерти». Библиотека Нац<ионального> Музея недавно основала особое федоровское отделение, в нем сосредоточивается всевозможный, часто очень интересный материал, рукописные памятники, фотографии, печатные произведения и т. д. Выставка будет представлять собою очень разнообразную картину, которая сможет занять внимание как специалиста, так и каждого любознательного наблюдателя.

**РЕЧЬ К. А. ЧХЕИДЗЕ НА ОТКРЫТИИ ВЫСТАВКИ
 К 30-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Н. Ф. ФЕДОРОВА**¹⁷

по-чешски:

Прежде всего моею приятной обязанностью является выражение искренней благодарности ч<ехо>с<ловацкому> государству, которое предоставило нам возможность посвящать свои силы культурной работе, на основе полной независимости. Далее наша благодарность принадлежит Нац<иональному> Музею, а в особенности г. директору др. Вольфу и др. М. Новотному, которые, с редкой ласковостью (радушием) и жертвенностью приняли участие в основании F<edoroviana> Pr<agensia> и, благодаря этому, спешествовали открытию настоящей выставки. Я убежден, что их благородное (возвышенное) внимание в отношении русской культуры будет отмечено навсегда, и что это так, уже сейчас имею доказательства. В недавно вышедшем сборнике «Вс<еленское> Дело», который составляет часть выставки, читаем следующие

слова: «Мы надеемся, что F<edoroviana> Pr<agensia> делается центром изучения и объединения всех лиц, работающих на осуществление идей “Философии Общего Дела”, во всех странах света»¹⁸.

Позвольте закончить несколькими словами по-русски. Сердце учения Ник. Фед. Федорова состоит в объединении человечества на путях творчества и любви. Его любовь универсальна. Она обгоняет века, устремляясь к «конечному идеалу». Она преодолевает время, восстанавливая в сознании человечества его долг в отношении ушедших поколений. В известном смысле, то здание, в котором мы находимся (музей), может считаться символом всего учения Н. Ф. Федорова. Не является ли Музей бессмертным соединительным звеном между веками прошлыми и грядущими?! То, что выставка происходит в здании Национального Музея высококультурной славянской страны, наполняет мою душу великим удовлетворением... Я верю, что здесь заключено благое предзнаменование Общему Делу...

**П. Н. САВИЦКИЙ —
 ЧЕХОСЛОВАЦКОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ МУЗЕЮ**¹⁹

В Народный Музей в Праге. Прага, I-го июня 1934 г.

Глубокоуважаемые коллеги,

позвольте приветствовать Вашу инициативу по изучению творений и жизни великого русского философа Н. Ф. Федорова. От души желаю успешного развития этому Вашему начинанию.

В евразийских изданиях, выходивших при моем и моих идеологических друзей участии, помещен длинный ряд статей и заметок, посвященных Н. Ф. Федорову. Большинство из них доставлено в основанную Вами коллекцию Константином Александровичем Чхеидзе. Отмечу, что 100-летие со дня рождения Н. Ф. Федорова (1828—1928) было отмечено в «Евразийской Хронике», журнале, выходившем под моей редакцией, особой статьей (выпуск X; Париж, 1928). В связи с исполнившимся тридцатилетием со дня его смерти, очередное собрание руководимого мною семинария по русоведению будет посвящено обсуждению сборника «Вселенское Дело»²⁰, недавно вышедшего в Риге²¹ и заключающего в себе богатые материалы по философии Н. Ф. Федорова.

Прошу верить чувствам моего искреннего уважения и сердечной преданности.

П. Савицкий.

К. А. ЧХЕИДЗЕ. ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»²²

Едва ли можно найти событие или явление, личной или общественной жизни, не обладающее лицом и изнанкой, не заключающее в себе элементов отрицательных одновременно с положительными. Есть ли что-либо ужаснее, мучительнее, грознее смерти? Возможно ли примириться со смертью существа, полного красоты, добра, любви? Которое на всем пути жизни дарило свет и радость, не знало зла, находило удовлетворение и счастье в самопожертвовании, в том, чтобы согреть и утешать своим ласковым, чудным сердцем? — И приходит роковая минута; нечто Неизвестное, Безжалостное, Чудовищное выбрасывает из мрака невидимый меч и отсекает, и это лучезарное существо перестает жить, умирает, гаснет, как солнце, упавшее за черную гору.

Академик Вл. И. Вернадский в ожидании смерти написал: «никакого страха. Тело распадется на атомы, может быть изотопы» (приведено в книге И. Забелина «Экономическая география и наука будущего». Москва, 1970)²³. Можно преклониться перед таким стоицизмом великого ученого, поскольку он говорит о себе, о своей смерти. Но невозможно, мне кажется, представить себе, чтобы он повторил свои слова «атомы, изотопы», стоя над умирающей матерью, сыном, любимым существом. Аналогичные мысли и чувства высказывал Вл. Соловьев в эссе «Смысл любви»: «Кроме страха и равнодушия в отношении смерти — одинаково недостойных мыслящего и любящего существа — есть еще и третье отношение: борьба со смертью и торжество над смертью. Дело идет не о своей смерти... но о смерти других, любимых существ, к которой беспристрастное отношение для любящего невозможно. Резигнация в этом случае была бы требованием разума только в том случае, если бы смерть человека была бы абсолютно неизбежным исходом. Но это всегда лишь предполагают, но никогда не доказывают — и не без причины, ибо доказать это невозможно. Что при *известных условиях* смерть необходима, об этом нет спора; но что эти условия суть *едиственно* возможные, что их *нельзя изменить*, и что смерть, следовательно, есть необходимость *безусловная* — для этого нет даже тени разумного основания».

Смерть необходима, «в известных условиях», в условиях становящегося мира, в качестве отбирающего фактора бытия, в качестве его великого регулятора — таково заключение другого крупного мыслителя, С. И. Метальникова²⁴ (в свое время был вице-президентом Пастеровского института в Париже). Без смерти, как великого (и жестокого) регулятора бытия, низшие организмы, размножающиеся с головокружительной быстротой, поглотили бы и уничтожили высшие организмы. В этом смысле старая чешская сказка о старике и старухе, желавших уничтоже-

ния смерти, а потом, когда размножились гады и насекомые, призывавшие смерть, преисполнена глубокой мудрости.

Не примириться со смертью, а признать с терзающей душой и сердце болью ее временную необходимость и с твердым упованием на победу над ней в неопределенно далеком будущем, только лишь это остается человеку на современном этапе развития его сознания и его мощи над природой.

«Изнанка» парижских событий заключалась в фиаско евразийского движения. А «лицевая», положительная сторона в том, что, борясь с различными «уклонами» парижских друзей-недрузгов, в том числе с «федоровским уклоном», волей, а больше неволей, пришлось вплотную подойти к этому мыслителю и его ученью²⁵. Подойти, как Савл подошел к христианству, с тем чтобы превратиться в Павла.

Можно привести длинный ряд авторов, подходивших к Н. Ф. Федорову, этой «огненной точке» первой величины, этому «гениальному безумцу» (апостол Павел говорил, что христианство — «безумие для эллинов»²⁶), чтобы бороться с ним, принять или отвергнуть его. Достоевский «принял мысли Федорова, как свои», Вл. Соловьев признал в нем «своего учителя и утешителя», Лев Толстой сначала увлекся Федоровым, позже отошел от него, никогда, однако, не переставая в своих произведениях «оглядываться» на учение человека, о котором говорил, что он, Толстой, гордиться быть его современником (замечательный анализ отношений Федоров — Толстой дан в небольшой книге «Перед лицом смерти» А. Горностаева; по-чешски вышла в 1933 г. «Смерть Ивана Ильича» и «Крейцера соната» не могут быть поняты до конца безотносительно к учению Федорова). О <тец>. С. Булгаков, Н. А. Бердяев, Н. В. Устрялов высоко оценивали систему этого «загадочного мыслителя». «Ее несравненный, головокружительный оптимизм пригоден для уловления душ. В ней есть нечто современное, от эпохи масс. Эта система *мифоносна*, особенно в наш век, когда человечество явно тоскует по новому или обновленному мифу... Учение Федорова представляет собой героическую попытку оживить христианскую идею в истории, непосредственно связав ее с лейтмотивом современной цивилизации. Христианизировать технический прогресс, технизировать и тем самым модернизировать историческое христианство» (Н. В. Устрялов. «Наше время». 1934 г.). Для конца двадцатых и тридцатых лет весьма важно было отношение к Федорову Максима Горького. Имеются (как уже говорилось) документальные данные глубокого интереса Горького к Федорову. По разным соображениям Горький счел необходимым затушевать этот свой интерес, оборвать отношения с центральной фигурой «федоровской атмосферы», с Н. А. Сетницким²⁷. Однако на съезде советских писателей в 1934 г. Горький с достаточной яр-

костью выразил свою приверженность к этой «атмосфере», когда говорил об Икаре и ковре-самолете, о сказке о живой и мертвой воде, о достижении бессмертия, вообще о реализации мечты в действительности²⁸.

Последователи (или почитатели) Федорова в двадцатые и тридцатые годы находились в Москве и Харбине. Необходимо подчеркнуть, что они никогда не ставили себе целью создать «организацию» или хотя бы «движение», «группировку» или нечто подобное, что могло бы вызвать подозрительное или неодобрительное отношение властей. По самой своей сути «федоровство» не рассчитано на «политическое действие»; оно имеет значение своеобразного маяка, «пучка света», обращенного в туманность будущих веков. Авторы, разделяющие учение своего верховного мастера (человека в высшей степени скромного), стараются наметить пути развития человечества, «подсказать» человечеству, куда следовало бы идти, о реализации чего следует действительно мечтать. Уже названия книг, например, Сетницкого говорят именно о таком понимании своих задач: «О конечном идеале», «Организация мировоздействия»²⁹ и т. п. Сетницкий взялся за переиздание сочинения Федорова «Философия общего дела» и его популяризацию. С ним сотрудничало несколько авторов³⁰. Возвратившись из Парижа в Прагу, я стал переписываться с Сетницким³¹ (виа Сиберия, а чаще виа Сингапур), помогать ему. В 1930/31 гг. возникла идея создать (помимо Москвы и Харбина) «федоровский очаг» и в Праге³². «Очаг» для сосредоточения литературы самого Федорова и о Федорове. Этой идее сочувствовал тогдашний директор Национального музея в Праге Йозеф Вольф и заведующий литературным архивом д-р Милослав Новотный. Вольф производил впечатление глубокомысленного авторитетного деятеля, сочетающего в себе добродушие с умением руководить. М. Новотный — прекрасный образец разносторонне образованного, в высшей степени плодотворного и принципиального литературного и музейного работника. Всегда дельный, всегда конкретный, умеющий пошутить, но и при случае «коснуться острым скальпелем критики», он оставил добрую по себе память у всех, кто его знал. М. Новотный хорошо разбирался в истории русской философии и литературы, и, можно сказать, «мгновенно» оценил значение и место Федорова в истории русской мысли. В 1933 году, по случаю тридцатой годовщины смерти Федорова, в Национальном музее была устроена небольшая выставка³³.

Через Сетницкого я установил знакомство с другим замечательным «харбинским автором», Н. В. Устряловым, который оставил неизгладимый след в истории умственного, отчасти и политического, развития России после революции³⁴. Его произведения, в особенности сборники статей «Под знаком революции» и «Наше вре-

мя», имеют эпохальное значение и будут служить первоклассными источниками при написании объективной, чуждой пристрастий, истории России революционных лет.

Н. В. Устрялов — в молодости доцент Московского университета, во время гражданской войны был министром информации в правительстве адмирала Колчака. После краха «белого движения», находясь в Харбине, он обратился к русской интеллигенции по обе стороны рубежа с призывом сотрудничать с советской властью. Незадолго до войны 1914 года в России вышел сборник «Вехи», в котором крупнейшие представители тогдашней русской общественности (Струве, П. Новгородцев и др.) намечали «вехи» исторического развития России. Революционно-демократическая часть интеллигенции восприняла этот сборник как признание поражения революционного движения, особенно ярко проявившегося в 1904—1905 гг., и как призыв найти общий язык с императорской властью. Устрялов в 1920/22 гг. предложил русской интеллигенции «сменить вехи» (отсюда все движение, основанное Устряловым, получило название «сменовеховство»), установить контакт с советским правительством и честно работать с ним на благо Новой России. Несомненно, «сменовеховство» сыграло исключительно большую роль в перестройке психологии русской интеллигенции во «внутренней» и «внешней» (эмигрантской) России. Между «сменовеховством» и евразийством было много общего. Водораздел проходил по такой линии: «сменовеховцы» приспособлялись «свой вклад» к генеральной линии ведущих деятелей Советской России, а евразийцы стремились сохранить самостоятельную роль своего «вклада».

После вторжения Японии на материк и образования Манджу-Го (1931/32 гг.) директор печатного агентства в Праге, В. Швиговский³⁵, знавший о моих связях с Харбином, предложил мне наладить сообщения о событиях на Дальнем Востоке от «собственного корреспондента». Таким «собственным корреспондентом» согласился стать Устрялов, посылавший статьи через меня Швиговскому (под псевдонимом д-р Лоу). В. Швиговского я изобразил в своей книге «Страна Прометея» в главе «На минуту в Европу»³⁶. Швиговский узнал себя, прочитав эту книгу, и, смеясь, сказал: «я не виноват, что я такой... виновата моя должность и наше сумасшедшее время». Швиговский нередко вслух вспоминал о своей жизни и работе в России (в Одессе и Киеве), подробно рассказывал о своем знакомстве с молодым Л. Троцким (Троцкий в своих воспоминаниях уделяет некоторое место Швиговскому). Швиговский признавал несомненные ораторские, организаторские и дипломатические таланты Троцкого, но при этом отмечал его склонность к эффектам и театральности. «Свои выступления, позы и жесты Троцкий разучивал перед зеркалом; любовался своим великолепием». —

Какая разница со Сталиным, который — до времени — предпочитал таиться в тени, перед прыжком; издевался над «трубадуром и барабанщиком» Троцким.

Советским гражданам, жившим в Харбине (в большинстве случаев они работали на Китайской Восточной железной дороге, которую построило царское правительство и которую советская власть передала Китаю), предложено было советскими органами подготовиться к переезду в СССР к 1935 году. Перед Сетницким и Устряловым возник своего рода «рубикон». Возвратиться значило прекратить публицистическую деятельность, рассчитывать лишь на предоставление возможности продолжать академическую работу в советских условиях. Отказаться от переезда, перейти на эмигрантское положение, представлялось недопустимым с морально-гражданской точки зрения. Была возможность перебраться с семьями в Америку, найти приют и почву для работы при Музее имени художника Николая Рериха в Нью-Йорке или в основанной писателем Георгием Гребенщиковым культурной обители «Чураевка» (штат Коннектикут). С Гребенщиковым у меня были давние дружеские отношения, и я обещал Устрялову и Сетницкому обеспечить радушный прием в «Чураевке» (Гребенщиков тогда еще не разошелся с Музеем Рериха)³⁷. Однако оба моих друга решили идти на риск во имя сохранения «морального лица». В спешном порядке Сетницкий переслал все «федоровские материалы» виа Сингапур в Прагу, где они и сейчас хранятся в отделении «Федоровиана Прагензия» на Страгове. Сюда же переслал свои архивы и Устрялов³⁸. В Москве Устрялов получил кафедру в Педагогическом институте, а Сетницкий назначение в Академию наук. Через непродолжительное время оба были отправлены в лагерь, где оба и погибли...³⁹ В 1965 году дочь Сетницкого, Ольга, научная работница, приехав в качестве туристки в Прагу, разыскала меня и с тех пор постоянно пересылает всю советскую литературу, где говорится о Федорове, для «Федоровиана Прагензия» (такой литературы появляется все большее количество), а иногда говорится и об ее отце⁴⁰.

